

Чему учить детей?

Александр Тубельский,
генеральный директор НПО
«Школа самоопределения» (г. Москва),
заслуженный учитель РФ, президент
Ассоциации демократических школ России

В российском обществе нет пока согласия в таком, казалось бы, простом на фоне прочих бед вопросе: чему учить детей?

Заметим, что в одной из самых стабильных стран мира — Австралии за десять лет (!) десять общественных комиссий разных штатов смогли согласиться только с десятью единими императивами для юных граждан. Но в них ни слова нет об обязательности освоения детьми закона Ома, определения ланцетника или дат начала и конца какой-нибудь войны. Зато там есть другое, более принципиальное: **национальными стандартами провозглашено, во-первых, умение работать в группе, во взаимодействии с людьми. Способность понимать чувства другого. И ещё важнейший навык самодисциплины, управления собой: от выдвижения цели до получения результата.**

Ничего похожего нет в наших проектах учебного стандарта, который может вскоре обрести силу закона. И тогда каждый выпускник сможет отрапортовать, что «Евгений Онегин» — это роман о жизни русского дворянства, а особенностью климата Индии является большое количество выпадающих осадков. Всего-то и нужно — поставить галочку напротив нужного ответа в бланке стандартного теста. И тут же забыть, поскольку совершенно непонятно, что с этим казённым знанием делать человеку. Как при таком стандарте раскрывается его индивидуальность? Может быть, напротив, глушится уникальность личности, само желание быть личностью, а в крайних случаях даже и просто — желание быть?

Но это уже отдалённые последствия...

Прошлым летом в Нью-Йорке, на Всемирном конгрессе демократических школ, мне подарили целую россыпь нагрудных значков. На одном написано: «End the TESTS!» («Остановите тестирование!»). В другом утверждается:

в трёхбалльную и продолжает сужаться до однобалльной. Искривляется информация об истинных учебных достижениях учащихся. Школьники, родители, учителя настроены на одни результаты, а **если на ЕГЭ выявляются другие результаты, то поделаться что-либо уже поздно.** В этом основная причина неприятия ЕГЭ в школах. ЕГЭ не обеспечивает равные возможности для получения образования и поступления в вуз. Школьники заблаговременно корректируют свои знания вне государственной системы образования за счёт родительских денег с репетиторами и на подготовительных курсах в вузах. Конечно, возможна самостоятельная проверка с помощью публикуемых образцов контрольных измерительных материалов для ЕГЭ, других тестов. Но это опять же, как правило, вне государственной системы образования.

Гарантию качества должен давать не итоговый контроль, а хорошо продуманный процесс обучения. Кстати, этого же требует, причём во всех областях деятельности, и международный стандарт ISO-9000.

В процессе обучения ключевой становится проблема текущего оценивания. Очевидно, что российская система образования давно должна перейти от архаичной пятибалльной (фактически трёхбалльной) системы оценивания к более расширенной, скорее всего, десятибалльной — такова тенденция во всё большем числе стран. Пора бы и России это заметить. Такой переход, очевидно, должен сопровождаться введением хорошо продуманных норм оценок. В идеале нужны не общие («резинковые»), а детализированные нормы оценок по каждому предмету, классу, изучаемой теме. По каждой теме должны быть указаны требования к знанию материала и практическим умениям (навыкам) для выставления отметок от 0 до 10. Это большая работа! Её выполнение сделало бы честь Российской академии образования. Надёжная текущая оценка знаний полезна для учеников и крайне необходима для обоснованного управления образованием. Ожидаемые в итоге обучения результаты будут значительно более надёжными и объективными. В принципе должны быть **исключены ситуации, когда разовая акция, вроде ЕГЭ, узаконивает любые результаты без учёта десятилетней истории обучения в школе.**

Итак! ЕГЭ не является гарантом равных прав поступления в вузы, права необходимо обеспечивать на всем процессе обучения, необходимо продумать и внедрить систему текущего оценивания учебных достижений. Здесь непочатый край работы и безграничное поле деятельности для учёных и руководителей всех уровней. Общественная поддержка такому движению гарантирована.

Очевидно, что пока не учитываются потребности системы образования и последствия введения единого госэкзамена в социальной сфере.

ЕГЭ — это единая технология и единые экзаменационные материалы для выпускников всех школ страны. Это можно

сравнить с тем, что по всей стране строили бы здания одной и той же конструкции, издавали бы одну газету, имели бы только один телеканал. Очевидно, что в общественной жизни такая унификация невозможна, вместо развития будут застой и деградация.

Не будем говорить о контрольных измерительных материалах ЕГЭ. Это тема для отдельного разговора. Поговорим о некоторых аспектах наиболее сильного элемента ЕГЭ — его технологии.

Поразительно, что при всей массовости и значении процедуры **ЕГЭ за её результаты никто не отвечает**. Директор в школе отвечает за результаты, записанные в аттестате зрелости. Ректор вуза отвечает за результаты проводимых вузом вступительных испытаний. А за результаты ЕГЭ не отвечает никто. Результаты ЕГЭ утверждает председатель государственной экзаменационной комиссии (ГЭК). Это примерно так же, как если бы их утверждал губернатор региона. Что собой представляет ГЭК? Это временный рабочий орган, сформированный практически на общественных началах. Члены ГЭКа, как правило, — крупные региональные руководители, у каждого из них есть своя основная, очень серьёзная работа, и глубоко вникать в разовую акцию ЕГЭ у него нет ни времени, ни сил.

Очевидно, что конструктивно управлять ЕГЭ никакой ГЭК не может. ГЭК может только обозначать контроль и утверждать результаты. Никакого члена ГЭК за недостатки и упущения при проведении ЕГЭ с работы не снимут и выговор ему не объявят.

Несколько больше ответственности возложено непосредственно на лиц, организующих и проводящих ЕГЭ в регионе. Административную ответственность за проведение ЕГЭ они несут, теоретически им могут объявить выговор или понизить в должности — но это за процедуру проведения ЕГЭ. А за результаты, повторяю, никто не отвечает. Представьте, как это удобно для злоумышленников, для них ЕГЭ — просто рай! Злоумышленники всегда были, есть и будут, их число пропорционально мотивации получения высоких результатов ЕГЭ. А о мотивации будут думать родители участников ЕГЭ. Если результаты ЕГЭ будут обязаны принимать все вузы России, практически каждая российская семья упрётся в проблему получения как можно более высокого результата на едином экзамене. В стране, которая, по заявлениям СМИ, сверху донизу пронизана коррупцией, наивно ожидать, что такая акция, как ЕГЭ, при отсутствии ответственности исполнителей всех уровней, позволит получить объективные и надёжные результаты. Какие бы хорошие инструкции по проведению ЕГЭ не сочинялись бы, ясно: над их созданием думают десятки людей, а над тем, как их нарушить, будут думать десятки тысяч. Результат такого противоборства очевиден. Яркие факты уже есть.

И не случайно, что результаты ЕГЭ не используются для аттестации образовательных учреждений и педагогов. Есть очень много странных и значительно отличающихся результатов ЕГЭ в разных регионах; разительно отличаются друг от друга

мой мальчик личность, а не... Далее воспроизведён обычный товарный штрих-код. 15-тысячная демонстрация против стандартизации школ проходила недавно в Чикаго, а ведь тесты там ещё только собираются внедрять.

У нас до демонстраций дело пока не дошло, но уже третья попытка построить всех детей по одному ранжиру встречает не отдельно взятые сомнения, но шквал сокрушительной критики в средствах массовой информации. Я понимаю: трудно внести изменения в главный закон страны, но почему не наложить мораторий, по крайней мере, лет на десять, на утверждение любых образовательных стандартов? А за это время посмотреть, усваиваются ли они детьми? Помогают ли выстроить свой путь, карьеру; стать участником того, что сейчас принято называть действующей демократией? И главный, на мой взгляд, вопрос: разве демократическое, открытое общество, которое мы провозгласили в Конституции, должно состоять из людей, имеющих одинаковые ответы на одинаковые вопросы?

Часто говорят: да, но стандарт — это залог единства образовательного пространства, это **право на обязательный** минимум. А разве уже сама обязательность пребывания детей в школе не ограничивает ребёнка в его правах? И что делать с миллионами детей, которые, несмотря на все усилия моих коллег, никак не могут этим минимумом овладеть? Переводить в другую школу? Открывать образовательные резервации для «глухых»?

Стрельба в американских классах, демонстрации французских лицеистов, пожары по инициативе детей в наших школах — всё это явные знаки протеста против «одинаковости», насаждаемой в учебных классах.

И, наконец, если уж так нужны эти злосчастные стандарты, давайте обсудим вместе с родителями, бизнесом и педагогами ряд элементарных требований (стандартов) и к государству («Тёплый туалет в каждой школе»), и к Службе знаний: «Не кричите на ребёнка», «Умейте выслушать и откликнуться на мнение ученика», «Не ставь двоек малышу».

Одинаковых людей от рождения нет, не бывает. Но их можно сделать. Где? В школе. Мы этого хотим? ■